

Но он всегда ждал, ждал
*Тот миг, когда естественно и просто
 Приходят вдохновенные слова
 На лист, необитаемый, как остров.*

Он работал на уровне даже не слова, а звука. О ветре — было: «Блокнот пролистал, пролетел над костром...», затем исправил: «полистал». Это важно для равновесия внутри строки.

В журнале «Знамя» Лёша увидел строчки: «Прекрасные старые девы». Понял: «Это моё!» Ограничил, сделал шедевр.

Поверим Осипу Мандельштаму:
*Вечные сны, как образчики крови,
 Переливай из стакана в стакан.*

***

Ахматовская тайна ремесла: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»

Можно взять простой зачин деревенского письма: «Во первых строках своего письмеца...»

Или же так: «Барбарис цветёт! Когда же я попаду на море?» — это из такого сора, как сценарий безумного Олега Дмитриевича («Записки из жёлтого дома»).

Ещё одна тайна:
*Подслушать у музыки что-то
 И выдать шутя за своё...*

***

Вершинными для Лёши стали 1962–1980-й, более узко 1962–1970 годы. Это был вертикальный взлёт! А ведь всякое бывало. Однажды в пермской газете «Звезда» ему досталось от самого Астафьева за два стихотворения — «Пора замаливать стихи» и «Ах, Пушкин, Пушкин»:

НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТОБЫ ОН В ХОРЕ ЛЖЕПАТРИОТОВ ПЕЛ «С ВЕЛИКИМ ТРЕЗВОНОМ ФАЛЬШИВЫЕ ПЕСНИ»

«Такое ощущение, будто оба эти стихотворения вынуты из пропылённого альбома прошлого столетия, со всем набором потускневших от времени поэтических атрибутов, начиная с «пунша» и кончая «гранитным плащом», «Италии (у Решетова — Идалии — авт.) и Натали», а также и «пепла златых черновиков».

*Пора замаливать стихи,
 Стихи замаливать пора мне,*

*Встав за кузнечные мехи
 Или обтачивая камни.
 Откуда знать, в конце концов,
 Быть может я ценою муки
 И отыскал своё лицо,
 Но потерял при этом руки.*

Эти стихи Решетова о трагедии художника перекликаются с мрачными строчками Пушкина, написанными на том же тридцатилетнем рубеже:

*Дар напрасный, дар случайный,
 Жизнь, зачем ты мне дана?
 Иль зачем судьбою тайной
 Ты на казнь обречена?*

Маяковский:
*Любви я заждался,
 мне тридцать лет...*

И Есенин:
*Милая, мне скоро стукнет
 тридцать...*

Через много лет Виктор Петрович напишет о том времени: «Десять лет Решетов в загоне, его не печатают, в партийных комитетах плюются, читая такое вот: